

Предикаты иррационального понимания (на материале русского, болгарского и английского языков)

Агафонова Алена Вячеславовна

Аспирантка Башкирского государственного университета, Уфа, Россия

Проблеме понимания как важного аспекта мыслительной деятельности индивида посвящены многие исследования не только в области лингвистики, но и в ряде других наук: в психолингвистике, психологии и философии. Ученые склонны выделять рациональный и иррациональный виды понимания текста, речи и действительности в целом. Различия между ними связаны с особенностями процесса мышления и участием/неучастием в нем логики. По мнению Б.Л. Иомдина, сущность иррационального понимания состоит в обретении нового знания без помощи разума [Иомдин 1999: 21]. Рациональный вид понимания отличается от него наличием источников, необходимостью специальных усилий и возможностью некоторого контроля со стороны субъекта.

В современной лингвистике вопрос иррационального понимания, на наш взгляд, еще недостаточно изучен. Исследования, посвященные не только глаголам иррационального понимания, но и производным от них субстантивам и адъективам, практически отсутствуют; исключение составляют работы О.Ю. Богуславской [Богуславская 2004] и Б.Л. Иомдина [Иомдин 2002]. Поэтому целью нашей работы стало исследование особенностей иррационального вида понимания и систематизация лексических единиц русского, болгарского и английского языков, относящихся к данному виду.

Основными представителями лексики иррационального понимания можно назвать глаголы *осенить*, *озарить*, *угадать*, *предугадать*, *догадаться* и т.д. Большинство из них относится к группе базовых предикатов с результативным значением «достигать понимания чего-либо».

В болгарском и английском языках наблюдается тенденция к выражению одного и того же значения и словоформами, и устойчивыми сочетаниями: р. *осенить* – болг. *осенявам/осеня* и *идва (ми) на ум* – англ. *dawn on (upon)*. По мнению Н.Б. Мечковской [Мечковская 2009: 70], этот факт объясняется тем, что русский язык имеет синтетическую структуру, а болгарский и английский языки – аналитическую. Тем не менее, можно выделить ряд полных аналогов, сходных по структуре и семантике, как для близкородственных (р. *осенить* – болг. *осенявам/осеня*, р. *озарить* – болг. *озарявам/озаря*), так и для всех трех языков: р. *предвидеть* – болг. *предвиждам/предвидя* – англ. *foresee* (букв. видеть заранее). Вследствие влияния явления стандартизации – стремления языков германской группы к упрощению языкового материала [Балли 2001: 41] в английском языке для различных проявлений иррационального понимания существует одно лексическое выражение: р. *осенить* и *озарить* – болг. *осеня* и *озаря* – англ. *dawn on (upon)*. Тем самым снимаются семантические различия между синонимами: «глагол *осенить* может употребляться при описании бытовых ситуаций...; синоним *озарить*, отчасти благодаря более прозрачной внутренней форме, сохраняет высокую метафоричность и характеризуется образностью употребления» [Иомдин 2002: 17]. Предикат *dawn on (upon)* можно назвать структурным аналогом русских глаголов *осенить* и *озарить* и их болгарских эквивалентов. В том же значении в английском языке иногда употребляется фразеологизм *have a brain-wave* – здесь внезапное обретение истины связывается с неожиданно нахлынувшей морской волной. Данная фразеологическая единица не находит соответствия в русском и болгарском языках.

В английском языке наблюдаются также семантически аналогичные русским и болгарским глаголам аналитические сочетания с вариативным именным компонентом: р. *предчувствовать* – болг. *предчувствувам* – англ. *have a presentiment/ premonition/ foreboding of (about)*. Эти конструкции не являются полностью семантически идентичными их русским и болгарским эквивалентам, потому что они имеют

отрицательные коннотации: *have a strong premonition of failure* (иметь сильное предчувствие провала). Данные предикаты соотносятся с полем ментальных предикатов чувственного восприятия, как и сходный по значению английский фразеологический оборот *feel (it) in one's bone* (разг., ср. р. *чувствовать каждой жилкой*). Следовательно, сфера иррационального понимания сближается с чувственным восприятием не только в рамках русской языковой картины мира.

Связь полей предикатов иррационального понимания и зрительного и чувственного восприятия прослеживается и на уровне именных коррелятов: р. *предвидение* – болг. *предвиждане* – англ. *foreseeing*, р. *ощущение* – болг. *чувство* – англ. *sense*. Для вербального отображения этого явления в исследуемых языках часто используется метафора света: полные аналоги р. *озарение* и болг. *озарение*, внутренняя форма которых, по мнению Б.Л. Иомдина, указывает на их световое происхождение [Иомдин 2002: 14], по структуре соответствуют английскому *enlightenment* «понимание, углубление знания об объекте»: *for the enlightenment of mankind* (с целью понимания человечества). Среди субстантивов и адъективов данного поля также можно выявить примеры полной и частичной аналогии и безэквивалентную лексику. Так, в английском языке этот вид понимания связывается с быстротой мыслительной реакции, это отражено в ряде устойчивых сочетаний *quick/ keen wits* «догадливость, букв. быстрый ум», *quickness of apprehension* «догадливость, букв. быстрота понимания». В других исследуемых нами языках это свойство подразумевается, но вербально не эксплицируется.

Сопоставительный анализ данных предикатов в русском, болгарском и английском языках позволяет выявить несколько групп соответствий:

- 1) полные аналоги: р. *предвидеть* – болг. *предвиждам/ предвидя* – англ. *foresee*, р. *интуиция* – болг. *интуиция* – англ. *intuition*;
- 2) семантические аналоги: р. *осенить* – болг. *осеня* – англ. *dawn on (upon)*, р. *проницательность* – болг. *проницателност* – англ. *perspicacity*;
- 3) структурные аналоги: р. *озарение* – болг. *озарение* – англ. *enlightenment*;
- 4) безэквивалентная лексика: *quick/ keen wits* «догадливость, букв. быстрый ум», *have a brain-wave* «осенить».

Литература

- Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 2001.
- Богуславская О.Ю. Почему не говорят «сообразительный совет» // <http://www.dialog-21.ru/Archive/2004/Boguslavskaya.pdf>
- Иомдин Б.Л. Лексика иррационального понимания. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2002.
- Иомдин Б.Л. Семантика глаголов иррационального понимания // Вопросы языкознания. 1999. № 4. С. 71-89.
- Мечковская Н.Б. Общее языкознание. Структурная и социальная типология языков: учеб. пособие. М., 2009.

Лексические средства выражения концепта любви в испанском и азербайджанском языках

Бабазаде Назрин Назим гызы

Студентка филиала Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова в г. Баку, Азербайджан

В нашем докладе мы обратимся к концепту любви в азербайджанских и испанских языках. Почему любовь? Ответ прост. Ведь именно она является важнейшей составляющей жизни человека. Ей уделено большое внимание в литературе, всех мастеров слова на создание великих произведений подвигало именно это чувство. Выбор темы обуславливается также тем, что насколько непохожими не были бы эти два языка – испанский и азербайджанский, у них есть схожесть духа. Два эмоциональных народа, в

жизни каждого из них любовь-любовь к Богу, к Родине, к ближнему, к другу, к природе, к избраннице – занимает важное место.

Вслед за российским исследователем, академиком Ю.С.Степановым, под термином «концепт» нами понимается «*сгусток культуры в сознании человека; то в виде чего культура входит в ментальный мир человека*» [Степанов: 40].

Мы рассмотрим концепт любви на основе определений словарей, устойчивых словосочетаний, фразеологии, пословиц так как, язык является главным инструментом для фиксации ключевых понятий национального мировоззрения. В первую очередь обратим внимание на данные словарей. Толковый словарь испанской Королевской Академии языка приводит следующее определение:

Amor:

1. *m. Sentimiento intenso del ser humano que, partiendo de su propia insuficiencia, necesita y busca el encuentro y uniyn con otro ser.*

2. *m. Sentimiento hacia otra persona que naturalmente nos atrae y que, procurando reciprocidad en el deseo de uniyn, nos completa, alegra y da energna para convivir, comunicarnos y crear.*

3. *m. Sentimiento de afecto, inclinaciyn y entrega a alguien o algo.*

1. Сильное чувство, присущее человеку, происходящего из собственного несовершенства. Он нуждается и ищет встречи, воссоединения с другим человеком.

2. Чувство к другому человеку, которое нас по настоящему притягивает, когда, стараясь добиться взаимности в желании создания союза, нас охватывает радость и энергия чтобы жить, общаться и создавать.

3. Чувство привязанности, склонности, преданности, кому либо или чему-либо.

В азербайджанском языке существуют три лексемы для слова «любовь»: **eşq, məhəbbət**-арабского происхождения, **sevgi**-азербайджанского. В словаре их определения даны друг через друга и на основе примеров из литературы. Заимствование данных лексем из арабского языка также говорит о его значительном влиянии на азербайджанский язык и литературу.

Sevgi. *Мящябьят, ешг.*

Севзим мцбаризя, севзилим щяйат; Йящярлянмиш бана ганадлы бир ат. М.Мцшфиг.

Севзи языл эндян севир бащары; Бащарда инсанлар арзуя чатыр. Н.Хязри.

2. клас. *Севзили. Бир беля ъаванын ягли кям олса; Бахырсан ки, севзисиня наз ейляр.*

М.П.Вагиф

1. *Любовь-борьба, любовь-жизнь, Любовь это подкованная, крылатая лошадь.*

М.Мюшвиг

Любовь с самого начала любит весну, весной исполняются желания людей.

Н.Хязри

2. *Возлюбленная*

Таким образом, мы видим, что в определении испанского толкового словаря «любовь» объясняется через такие понятия, как: привязанность, преданность, тяга к другому человеку, желание с ним воссоединиться, добиться взаимности. Это чувство зарождает в человеке стимул жить и творить. А в определении азербайджанского толкового словаря слово «любовь» включает такие понятия как самоотверженная привязанность, дружба, верность, желание, воодушевление, влечение, безумство.

Теперь рассмотрим пословицы и фразеологизмы в испанском и азербайджанском языках на тему любви:

El amor hace pasar el tiempo; el tiempo hace pasar el amor. Любовь заставляет время уходить, время заставляет уходить любовь.

Amor no respeta ley, ni obedece a rey. Любовь не почитает закон и не повинуется королю.

Amor con amor se paga; y lo demas con dinero. Любовь оплачивается любовью; остальное- деньгами.

Amar, horas perdidas, sino son correspondidas. Любовь-это потерянные, невозвращенные часы.

Contigo pan y cebolla. С любимым рай в шалаше.

Пословицы на тему любви в азербайджанском языке:

Sevgi od deyil, oddan beşbətər yandırır. Любовь не огонь, обжигает в сто крат сильнее.

Aşiq olan kür olar. Влюблённый слеп. Любовь слепа.

Yar mənimlə yar olsun, köl dibi diyar olsun. Пусть будет рядом возлюбленная, и в терновнике гнездо свить можно. С любимым рай в шалаше.

В азербайджанском языке употребляются следующие фразеологизмы со словами «любовь»:

Eşq toriğuna vurub - «любовь ударила в пятки», что означает «безумно влюбиться».

Eşqinə düşmək-досл.попасть в любовь; гореть желанием, вздумать, сильно хотеть.

Также не могу не отметить, что одним из главных источников появления фразеологизмов в языке являются литературные произведения. Мы увидим это на примере следующих фразеологизмов. Образы безумно влюблённых Лейли и Меджнуна в одноимённом произведении выдающегося Низами Г. нашли своё отражение во многих фразеологизмах.

Leyli-Məsnun olmaq-досл.быть Лейли и Меджнуном;любить друг друга до безумия.

Məsnun olub, çöllərə düşmək - «превратившись в Меджнуна, бродить по степям» - что означает «обезуметь от любви».

Məsnuna dönmək-досл.превратиться в Меджнуна; влюбиться до безумия; опуститься, иметь растрёпанный вид.

*В поэме Гянджеви, Меджнун влюбившись в юную Лейли теряет свой рассудок от этой несчастной любви и отрекнувшись от людей бродит по степям в надежде найти утешение в уединении.

Таким образом, можно сделать вывод, что концепт «любви» в испанском языке включает такие понятия, как привязанность, преданность, тяга, влечение, надежда на взаимность, порой, упадок сил.

Для азербайджанского языка и культуры характерно понимание любви как преданности, привязанности. Любовь - это высокое возвышенное чувство, нечто ослепляющее разум, обжигающее человека.

На основе изученной лексики можно говорить о том, что концепт любви занимает важное место в языке и культуре испанского и азербайджанского народа, а в самом содержании концепта есть как сходства: преданность, привязанность, мольба о взаимности, так и различия: для азербайджанского понимания любви характерны безумные поступки, необдуманность, любовь на расстоянии, принято долго и упорно добиваться возлюбленной, в испанском это встречается редко или отсутствует вообще.

Считаю нужным отметить, что в процессе данной работы мною была изучена лишь малая часть из того обширного материала, который представлен в испанском и азербайджанском языках. Несомненно, концепт любви широко отражён как в языке, так и в литературе. Помимо пословиц, поговорок и фразеологизмов очень интересно было бы сравнить воплощение концепта «любовь» в языке разных литературных жанров, в частности, испанских «коплас» и «баяты». Это даёт мне возможность исследовать этот концепт в своей дальнейшей научной работе.

Литература

А.А.Оруджев Азербайджанско-русский фразеологический словарь. Баку.1976.

А.Оруджев, А.Ахундов Толковый словарь азербайджанского языка. Баку.1983,2006.

Б.Таирбеков, А.Гусейнзаде Краткий Азербайджанско-русский словарь паремий. Баку.1983.

Ю.С. Степанов. Словарь русской культуры. Москва.1997.

Рае.эс: <http://www.rae.es> Словарь Королевской Академии Испанского Языка.

Анализ ассоциативного поля слов-названий частей тела в русском и английском языках

Боголепова Светлана Викторовна

Соискатель Московского государственного областного университета, Москва, Россия

Как известно, ассоциативный эксперимент направлен на выявление ассоциаций, т.е. закономерных связей между фактами, событиями и явлениями, отраженными в сознании индивида. Получаемое в результате ассоциативного эксперимента ассоциативное поле слова является не только фрагментом так называемой вербально-семантической сети, но и частью образа мира, сформированного под влиянием культуры, к которой принадлежит респондент. Таким образом, проанализировав состав ассоциативного поля, мы можем сделать некоторые предположения о том, какие особенности отличают мировоззрение представителей данной культуры [3].

Мы проводим цикл исследований ассоциативного поля названий частей тела. В основу нашего исследования легли данные Эдинбургского Ассоциативного Тезауруса (Edinburgh Associative Thesaurus – далее ЕАТ) [4] и Русского Ассоциативного Словаря (далее РАС) [2].

Целью исследования мы видим:

- классификацию данных путем распределения их по категориям;
- анализ состава и сравнение значимости предложенных нами категорий в пределах одного языка;
- сравнение результатов для русского и английского языков для разных частей тела.

Все ассоциации к названиям разных частей тела мы сочли возможным разделить на две большие группы: 1. характеристика части тела; 2. собственно ассоциации. В первую группу попали следующие категории:

1) действие; 2) форма; 3) цвет; 4) размер; 5) эмоционально-оценочная характеристика. Во вторую группу вошли восемь категорий: 1) физическое состояние; 2) свойства поверхности; 3) составные части и другие части тела; 4) предметы и понятия; 5) отражение сущности человека; 6) принадлежность; 7) метафоры и устойчивые сочетания; 8) синонимы.

Качественный и количественный анализ ассоциаций, вошедших в каждую категорию, в отношении каждой из рассмотренных частей тела (голова, лицо, глаза (глаз), нос, рот) позволил нам сделать некоторые выводы об особенностях языкового сознания русских и англичан. К примеру, анализ ассоциативного поля слов «глаз» и «глаза» показал, что русскоязычные респонденты обращают большое внимание на физическое состояние глаз, особенно на остроту зрения и зоркость (зоркий, острый, меткий, орлиный, глаз-алмаз), что, как нам кажется, подтверждает мысль Э. Эриксона [1] о том, что для русских глаза являются основным инструментом познания мира, поэтому так важно правильное функционирование этого органа. Лицу русские стремятся дать эмоционально-эстетическую оценку, а у носа подчеркнуть его форму. Языковое мышление русскоязычных респондентов оказалось богаче и метафоричнее, ответы же англичан менее оригинальны, большую их часть составляют ассоциации, вошедшие в категорию «другие части тела».

Литература:

Л.Ф. Обухова Детская (возрастная) психология. М, 1996

Русский ассоциативный словарь: <http://thesaurus.ru/dict/dict.php>.

Уфимцева Н. В. Русские: опыт еще одного самопознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. М., 1996. С. 139-162.

Эдинбургский ассоциативный тезаурус: <http://www.eat.rl.ac.uk>.

Музыкальные термины английского языка в этимологическом аспекте

Измайлова Динара Витальевна

Студентка филиала Московского государственного университета
имени М.В.Ломоносова в г.Баку, Азербайджан

Музыкальная терминология является одной из наименее изученных областей гуманитарных терминов искусствоведения. Она представляет большой интерес как для лингвистов, специализирующихся на терминологии, так и для музыковедов и искусствоведов. В данной работе сделана попытка предложить классификацию терминов музыкального искусства и выявить общие закономерности происхождения в зависимости от их типа.

В рамках данного исследования представляется возможным выделить следующие основные категории музыкальных терминов:

Исполнительские (экспрессивные – *agitato, dreamily*; артикуляционные – *slur, tie, breath mark*; темповые – *slow, deliberate, double quick*; динамические – *crescendo, piano*; термины метода звукоизвлечения – *downstroke, with the frog, open string*).

Термины теоретических понятий (*abbreviation, battery, auxiliary note, clef, root, Neapolitanian chord, minor triad, dominant seventh chord (D7)*); почти у каждого термина этой группы есть свой графический эквивалент).

Термины анализа формы (*cadence, counterpoint, entrance, inversion, ternary*).

Жанровые термины (вокальные – *aria, cavatina*; инструментальные – *etude, symphony*; вокально-инструментальные – *absolute music, ballad-opera, extravaganza*)

Термины наименований музыкальных инструментов (*violin, grand piano, drum-station, distortion guitar*; их частей – *crook, bow, reed*; всевозможных приспособлений для изменения звука – *cup mute, dump, echo attachment*).

Помимо классической музыки, существуют различные музыкальные направления, в рамках которых действует своя терминологическая система. Примерами могут послужить джаз, рок, популярная, фольклорная, церковная музыка. Классификация остается в целом прежней, добавляются лишь термины, специфические для каждого направления. Однако в данном исследовании мы ограничимся терминами классической музыки.

Объем работы не позволял охватить абсолютно все понятия музыкальной теории, поэтому были рассмотрены только наиболее употребительные термины базового курса теории музыки. Материалом исследования послужили англоязычные учебники, а также сайты, посвященные изучению данного предмета.

Примерный состав основных разделов учебников соответствует основным направлениям теоретических исследований. Он по большей части одинаков: Sounds, Notation, Intervals, Chords and harmony, Scales and melody, Meter and rhythm, Expression marks, Ornaments. Наиболее часто употребляются термины теоретических понятий, но в главах Meter and Rhythm, Expression Marks также важную роль играют и исполнительские термины.

С точки зрения этимологии, существует общее мнение, что музыкальная терминология строится на итальянских терминах, с этим можно согласиться, однако можно и поспорить. История развития музыкальной терминологии насчитывает десятки столетий. Первые термины появляются еще в древней Греции (наименования первых теоретических понятий – *diatonic, chromatic, enharmonic, melos, ethos*; ладов – *Dorian, Phrygian, Lydian, Mixolydian, Syntonolydian, Ionian*; музыкальных инструментов – *lyre, kithara, hydraulis*; музыкальных жанров – *Delphic Hymns*), однако первая систематизация происходит в период средневековья (к этому периоду относятся термины теоретических понятий – *caesura, canon, tactus*). С развитием музыкального искусства центры музыковедческих исследований перемещаются – это обуславливается преуспеванием в музыкальном развитии какой-либо страны в определенное время, появлением новых

жанров, направлений в искусстве. Так, после греческих и латинских терминов развиваются итальянские (развитие оперного искусства, школа бельканто приводят к появлению экспрессивных исполнительских терминов – *adagio, dolce, con anima, sotto voce*). С появлением Венской классической школы увеличилось количество немецких терминов (жанровые – *harmoniemusik*, термины теоретических понятий – *weise*). В период расцвета импрессионизма на первый план вышли французские термины (*aussi legerement que possible*), так как, например, К.Дебюсси в своем творчестве игнорировал итальянские термины экспрессии, а в начале XX века появляется джаз, передавая первенство английским терминам – *swing, fresh, growl*. Все эти термины стали общеупотребительными и были заимствованы большинством языков в своем оригинальном виде или с незначительными изменениями.

В результате исторического развития теории музыки в системе терминов очень часто встречается синонимия. Наряду с общеупотребительными терминами, пришедшими из латыни и итальянского, также используются оригинальные английские термины: *tact – bar/beat, diesis – sharp, accord – chord, aria – air, bind – slur, cadence – close etc.* Проявляется синонимия и в вариантах английского: *stave/staff, semibreve/whole note, tone/whole-step, semitone/half-step*.

Исследования в области музыкальной терминологии являются одними из самых интересных и актуальных исследований. Музыкальное искусство не стоит на месте, оно развивается, появляются новые музыкальные течения, стили исполнения, жанры, музыкальные инструменты, следовательно, терминология постоянно пополняется всё новыми терминами, которые находят свое место в языке музыки.

Литература

Крутяева Т.С., Молокова Н.В., Ступель А.М. Словарь иностранных музыкальных терминов. Л., 1985

Opgenoorth J.B.N. Elementary music theory for beginners and advanced. Bonn, 2002

Tagliarino B. Music Theory: a practical guide for all musicians. New York, 2006

Basic music theory: <http://neilhawes.com/sstheory/theory.htm>

Использование приемов передачи якутских реалий в этнографических материалах о шаманизме

Макарова Аина Ивановна

Студентка Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова
института языков и культур народов Северо-Востока

Болгарские ученые С. Влахов и С. Флорин термин реалия определяют так: «...это слова (и словосочетания), называющие объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа и чуждые другому; будучи носителями национального и/или исторического колорита, они, как правило, не имеют точных соответствий (эквивалентов) в других языках, а, следовательно, не поддаются переводу «на общих основаниях», требуя особого подхода» [Влахов, Флорин: 47]. Реалии используются не только в художественных произведениях, их часто можно встретить в специальной научной литературе по фольклору, этнографии, истории и др. Как правило, такие тексты пишутся часто на другом языке, например, на русском. И использование якутских слов-реалий в таких текстах может представлять научный и практический интерес. Для анализа особенностей использования якутских реалий мы взяли разные тексты, написанные разными авторами в разное время [Алексеев, Пекарский, Серошевский], чтобы выявить причины колебаний норм употребления якутских слов в текстах на русском языке.

В указанных материалах мы выбрали 36 слов-реалий, относящихся к теме „Шаманизм“: *эмэгэт, кыаһаан, дунур, күһэнэ, ийэ-кыыла, табытал, быарык, мулгун, сунньуөх, бургунэ, хобо, ойбон күнэ, балык-тимир, былаайах, бытырыыс, иччи,*

кутуруксут, ыһыах, аптаах, олох, сэргэ, өксөкү, суор, , кэрэх, ытык, мэнэрик, буор кут, салгын кут, ийэ кут, , бохсуруйуу, ойуун, удаган и.т.д. Наблюдая особенности использования якутских слов в тексте на русском языке, мы выделили следующие переводческие приемы, способствующие раскрытию значения данной группы безэквивалентной лексики:

I. Прием транскрипции:

1) *Транслитерация или традиционная транскрипция*: эмэгэт, кыасаан, иньэ-кыыла, дюнгор, табытал, кюсэнгэ, быарык, мюльгюн, бюргюне, хобо, ёксёкю, балык-тимир, бытырыс, былаях, кутуруксут, ысыах, олох, сэргэ, кэрэх.

2) *Транскрипция*: эмэгять, ойбон-кюнга, ойогос тимиря, ие-кыла, тунгор, быэрик, эксёкю, куагас.

3) *Неверная транскрипция*: кюнгета, оюн, ойбон-кюнга, кондей кыхан, кыысан.

В материалах мы обнаружили варьирование слов, переданных этим способом. Такое варьирование объясняется тем, что источники отражают разный уровень развития якутской этнографии. Так, работа В.Серошевского относится к первым опытам описания этнографии саха, а монография Н.Алексеева – значительно более поздняя работа, опирающаяся не только на достижения советской этнографии, но и использующая установившиеся традиции транскрибирования якутских реалий. У В.Серошевского некоторые якутские слова-реалии стоят в какой-либо грамматической форме, например, в словах *табытала*, *иччите* наблюдается аффикс принадлежности. Видимо, из-за того, что он не всегда выделял основу слова и его аффиксы, в его тексте можно найти, например, такие малопонятные слова, как *мәнриер (мэнэрийэр)*, *ймэгьтэ*, *абагыта аматяты (эмэгэт, абааһытын эмэгэт?)*, *кюнгета (күһэнэт?)* и др. Подобная транскрипция Серошевского не соответствует современному варианту, так как он закончил свой труд до возникновения массовой письменности и писал он так, как ему слышалось.

II. **Прием перевода по аналогии**: эмэгэт - дух-покровитель, дүнүр - бубен, күһэнэ - звонец, былааһах - колотушка, олох - сиденье, бытырыс - кисти, кутуруксут - хвост или паж, туһахта - бляха.

III. **Прием буквального перевода**: ийэ кыыл - зверь-мать или мать-зверь, ойбон күнэ - солнце.

IV. **Прием генерализации**: ...другие железные детали: на нагруднике – изображение груди шамана, на рукавах костюма – по две пластинки, которые означали кости предплечья.

Этот прием мы обнаружили в работе Н.Алексеева, здесь дается также описание деталей шаманского костюма и объяснение их значений, т.е. в этом примере мы видим сразу два приема перевода – генерализация и экспликация.

V. **Прием экспликации**: ...маховые перья птицы или кости предплечья и плечевую кость человека (описание реалии *табытал*); ...на спине или поле – миниатюрные символы солнца и щербатой луны (точнее месяца) (описание реалий *кун*, *күһэнэ*), шаманской «проруби» в виде кольца, представляющей проход для попадания в нижний мир (описание реалии *ойбон тимир*).

К приему экспликации можно отнести толкование реалий. Мы выписали такие толкования из разных источников с целью сбора материала для словаря-справочника якутских реалий. Путем сопоставления и соединения разных толкований таких слов можно получить четкую и исчерпывающую информацию, которая может быть полезна для переводчика с якутского языка. Приведем пример:

Дүнүр

1) ...Этот бубен, тунгор, всегда яйцевидной формы, 2/1 фута длиною, 2 шириною и от 4 до 5 дюймов вышины; [Серошевский: 613].

2) Бубны якутских шаманов назывались дюнгор. Они имели яйцевидную форму, состояли из обечайки, обтянутой с одной стороны коровьей или телячьей кожей. На обод

якуты накладывали пять или более резонаторов, считавшихся его рогами. Количество последних зависело будто бы от «силы» шамана. [Алексеев: 142]

3) 1. Шаманский бубен или барабан, яйцевидной формы, с железной крестовиной (быарык) на внутренней стороне; увешивается колокольчиками и побрякушками (арык); служит шаману лошадью, когда он отправляется в царство духов.

2. особого рода бубен, про который «в якутских сказках говорится, что шаман бил в него металлическою лопаткою, перебирая, в то же время», пальцами натянутые на нем струны. [Пекарский: стлб. 758]

Литература

Алексеев Н.А. Шаманизм тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск, 1984.

Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М., 1980.

Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. В 3 т. 1959.

Серошевский В.Л. Якуты. Опыт этнографического исследования. 2-ое изд., - М., 1993.

Протетические гласные в древнегреческом языке: праиндоевропейское наследие или инновация?

Сергеева Ольга Михайловна

Аспирантка Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

1. В греческом языке ряд ИЕ корней с начальным сонорным (r, l, m, n, w) получает протетический гласный e-, a- или o-; часто в армянском им соответствуют корни с такой же протезой. В прочих индоевропейских языках никаких материально выраженных соответствий этим протетическим гласным не наблюдается.

2. В настоящее время протетические гласные принято возводить к начальным ларингалам, что, в частности, позволяет объяснить позиционно не обусловленное разнообразие качества протетических. Этим, однако, достоинства такой гипотезы исчерпываются. При дотошном анализе конкретных примеров выясняется, что в ряде случаев оно попросту невозможно, а чаще прежнее наличие начального ларингала нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть [Sihler 1995: 87-88].

3. Важные наблюдения относительно протезы:

– в ряде случаев она наблюдается перед шумными, т. е. её возникновение нельзя ставить в зависимость от сонорного;

– в некоторых группах слов, восходящих к одному и тому же индоевропейскому корню, наблюдается колебание по наличию/отсутствию протезы;

– в иных случаях в одном и том же корне наблюдается чередование протетических различного качества;

– имеется по меньшей мере 5 примеров, где протетический гласный является долгим;

– отдельную проблему представляет собой отсутствие примеров протезы перед историческим *i* неслоговым;

– в конечном счёте всё же, как представляется, обнаружима зависимость между качеством протетического гласного и начального согласного корня, носящая не абсолютный, но статистический характер: см. след. пункт.

4. Вывод о частичной фонетической обусловленности (или её следах) качества протетического гласным последующего согласного можно сделать на основании следующих закономерностей:

– перед *r* протеза обязательна;

– из прочих сонорных *m, n, l, w* чаще всего протезу получает *m*;

– *r* чаще всего получает e-, реже o- и единично a-;

– *m*, напротив, никогда не получает e-;

– *w* получает, как правило, e- и весьма редко a- (o- никогда не наблюдается перед *w*, возможно, вследствие диссимиляции по лабиальности);

– шумные получают только о- или а- (за исключением одного примера на е-, где, однако, начальный шумный корня восходит к лабиовелярному, который мог вызвать диссимиляцию);

– и.-е. глайды *i*, *u* не могут выступать в роли протетических (т. о. набор протетических гласных совпадает с набором гласных, способных составлять положительную ступень огласовки корня).

5. Рассмотренные данные пока не позволяют прийти к какому-либо положительному выводу относительно происхождения протетических гласных, однако дают понять, что перед нами, по всей вероятности, явление сложного генезиса, которое невозможно объяснить за счёт простого постулирования однозначного прототипа в праязыке.

Литература

Chantraine, P. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots. – Paris, Éditions Klincksiek, 1968-1980.

Schwyzler, Ed. Griechische Grammatik. Auf der Grundlange von Karl Brugmanns Griechischer Grammatik. – C. H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung. München, 1977.

Sihler, A. The New Comparative Grammar of Greek and Latin. New York and Oxford, 1995.

Тенденции распространения английских этикетных формул в языке хинди после обретения Индией независимости (на материале индийских фильмов)

Соловьева Анна Андреевна

Студентка Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

В нашей работе мы рассматриваем использование английских этикетных формул в речи носителей языка хинди в период с 1950-х годов XX века по настоящее время. Данный временной промежуток представляет для нас особый интерес, так как в этот период хинди наравне с английским становится государственным языком Индии. Однако сферы использования обоих языков неодинаковы. Наиболее важными для исследования мы считаем сферы пересечения использования хинди и английского языков. Именно такой сферой являются этикетные формулы. Кроме того, этикетные формулы имеют, помимо языковой, ещё и культурную составляющую, которая также заимствуется. В качестве материала для анализа избраны индийские фильмы указанного исторического периода

Проанализировав языковой материал фильмов «Shree 420» (1955) и современные «Dil bole hadippa» (2010), «Aisha» (2010), мы выявили сферы функционирования заимствований и постарались проследить тенденции распространения английских речевых формул в речи говорящих на хинди.

Объектами заимствования в фильмах стали английские речевые этикетные формулы, причем учитывались как вербальные, так и невербальные компоненты актов коммуникации, так как «фильм – это тоже текст, хотя и сложной природы: поликодовый и полимодальный» [Красных:56]. Фильм имеет свой собственный язык – «язык кино» [Лотман: 7]. Следовательно, объектами заимствования могут выступать не только речевые формулы, но заимствуются также стиль одежды, поведение, образ жизни и ценности западной цивилизации. Всё это, как нам представляется, используется для создания образа западной культуры, основанном на стереотипном представлении об англоязычном мире как эталоне цивилизации. Например, образ джентльмена в фильме «Shree 420» помимо использования заимствованных речевых формул сопряжен с определенным социальным статусом говорящего, с одеждой, с материальным благосостоянием. Английский язык здесь выступает неотъемлемой частью речевой характеристики персонажей. Надо также отметить, что западная цивилизация присутствует в фильмах не только в лице представителей английской культуры, но, в частности, и испанской. Хотя в этом случае речь не идет о языковых заимствованиях.

Время создания фильма влияет не столько на количество и качество заимствований, сколько на отношение к ним говорящих на хинди. Заимствования присутствуют и в фильме 1955 года и в фильмах 2010 года. В фильме «Shree 240» английские речевые формулы в ходу у представителей «высшего общества», офисных работников, полицейских. Английский язык здесь также является маркером религиозной принадлежности. Например, герой обращается с приветствием к толпе: «hindu ko ram-ram, mosalman ko salam, cristian ko good morning». Общение внутри традиционной семьи происходит с использованием индийских форм вежливости без использования заимствований.

В современных фильмах "Dil bole hadippa" и "Aisha" грань между употреблением английских и традиционных языковых формул стирается. Заимствования перестают восприниматься как элементы, привязанные к какой-то определенной сфере употребления. Общение внутри семьи происходит с использованием тех же формул вежливости, что и вне её. При этом невербальные речевые формулы хинди могут сохраняться даже при заимствованном вербальном наполнении. Например, «Thank you» может сопровождаться традиционным индийским жестом «намасте».

Но это отнюдь не означает, что носители хинди не осознают грань между традиционными формулами и заимствованиями. Заимствования могут заменять и вытеснять традиционные этикетные выражения, но не будут при этом являться полными аналогами выражений на хинди. Причины этого – не только языковые, но и культурные. Несмотря на использование в своей речи этикетных формул на английском языке, носитель хинди тем не менее не настолько дистанцируется от собственной культуры, чтобы в его сознании нивелировалась социальная иерархия, принятая в индийском обществе. Проще говоря, английские заимствования, вытесняя этикетные формулы хинди, не меняют структуру традиционных формул, не влияют на систему языка в целом.

Таким образом, можно сделать вывод, что отношения между традиционными и заимствованными формулами вежливости из состояния дополнительной дистрибуции перешли в состояние свободного варьирования. Полного вытеснения традиционных формул вежливости не произошло, но во многих случаях грань между английскими и хинди формулами стирается.

В дальнейшем мы постараемся выявить области наибольшего смешения традиционных и заимствованных формул, а также установить более подробную хронологию зарождения и развития данного процесса.

Литература:

Красных В. В. Единицы языка vs. единицы дискурса и лингвокультуры (к вопросу о статусе прецедентных феноменов и стереотипов) // Вопросы психолингвистики. 2008. №7. С.56

Лотман Ю. М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики. Таллин. 1973

Проблемы индоевропейской этимологии и индоевропейские поэтические формулы

Трофимов Артем Александрович

Студент Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

Изучение поэтического языка Гомера и Ригведы в рамках сравнительно-исторического языкознания еще в 19 веке позволило А. Куну выделить ряд бесспорных соответствий в этих древнейших текстах на индоевропейских языках между целыми словосочетаниями, которые традиционно называются поэтическими формулами. Можно указать такие известные примеры, как греч. κλάος φθιτον – др.-инд. śrávas ákṛiti ‘нетленная слава’ и λῆοιο κῆκλος – śūryasya cákra ‘круг солнца’ [Красухин 2004: 298]. С одной стороны, такое пофонемное совпадение помогает этимологическому анализу, являясь иногда решающим фактом в поддержку той или иной этимологии. Но в ряде случаев появляются различные сложности, затемняющие этимологические связи слова.

В греческом языке есть любопытный глагол $\sigma\beta\lambda\upsilon\upsilon\mu\iota$ ‘тушить, гасить, гаснуть’. Производное слово от $\sigma\beta\lambda\upsilon\upsilon\mu\iota$, $\sigma\beta\epsilon\sigma\tau\omicron\varsigma$ ‘неугасимый, немеркнущий, неукротимый’, может использоваться в греческом эпическом языке в качестве эпитета к таким словам, как $\tau\kappa\lambda\omicron\varsigma$ ‘слава’ или $\tau\mu\upsilon\varsigma$ ‘гнев’.

Этимологически это слово выводится из греческой праформы $*\sigma\beta\lambda\sigma\text{-}\upsilon\upsilon\text{-}\mu\iota$ и связывается с др.-инд. *jāsate* ‘исчерпан’, *jāsayati* ‘исчерпывает, истощает’, лит. *gęs-tù, gėst-ti* ‘гаснуть’, ст.-слав. *оу-гасити* ‘погасить’, тох. АВ *kās-* ‘гасить’, хетт. *kišt-* ‘погасить’ [Frisk 1970: 685]. Точного соответствия греческим поэтическим формулам $\sigma\beta\epsilon\sigma\tau\omicron\varsigma$ $\kappa\lambda\omicron\varsigma$ и $\sigma\beta\epsilon\sigma\tau\omicron\varsigma$ $\mu\upsilon\varsigma$ неизвестны в других языках, однако в санскрите встречается сложение *ajasra-sukhas* ‘обладающий неугасимым счастьем’.

Учитывая этот факт, можно реконструировать формулу праязыка $*n\text{-}(s)g^w\text{es-}to(ro)\text{-}s$ ‘неугасимый’ + ‘слава’, ‘счастье’, ‘гнев’ и т. д.

Проблема заключается в том, что греческий звук /β/ указывает на лабиовелярный в праязыке, в то время как хеттский рефлекс, объединенный с данными остальных языков, мог бы свидетельствовать о «чистом велярном». Кроме того, анлаут $\sigma\beta\text{-}$ встречается только в этом древнегреческом слове и тоже привлекает к себе внимание. Это ставит реконструкцию корня $*sg^w\text{es-}$ или $*zg^w\text{es-}$ под сомнение, что заставляет искать для него другое этимологическое решение. Прежде чем предложить возможное объяснение этого случая, стоит обратиться к еще одной поэтической формуле, встречающейся в санскрите и авестийском.

Авестийское слово *spənta-* ‘святой’ связывается В. Н. Топоровым с вед. *śvāntá* (два раза употребляется в Ригведе), причастием от глагола *śváyati* ‘набухает’, лит. *švėntas* ‘святой, священный’, слав. $*svęt\text{-}$ с тем же значением. Возводя эти формы к индоевропейскому $*k^w\text{en-to-}$, исследователь подкрепляет эту этимологию соображением о связи с фаллическим культом, связывает идею ‘святости’ в этих языках с идеей ‘возрастания, набухания’ и пытается реконструировать на основании балто-славянских данных и Ригvedы сочетание типа $*svęt\text{-}$ & $*ognь$ (рус. *святой огонь*, лит. *šventà ugnis*, вед. *śvāntá* по отношению к огню) [Топоров 1989: 9-16]. Этимология подтверждается с фонетической точки зрения хотаносакскими соответствиями для этого слова. Хс. *ysamaśśandaā-*, где *ysam-* ‘земля’ (диграф *ys* означает /z/), а *śśandaā-* соответствует ав. *spənta-*, «служит обозначением земли по принципу святости» [Топоров 1989: 16]. Происхождение хс. *śś* из ир. $*sp < \text{и.-е. } *k^w$ надежно устанавливается на основании следующих примеров: *śśúvanā* ‘собаки’ < ир. $*span\text{-}$ < и.-е. $*k^w\text{on}$ (ав. *spā*) и *aśśā* ‘конь’ < ир. $*aspa\text{-}$ < и.-е. $*ek^w\text{on-s}$ (ав. *aspa-*)» [Герценберг 1981: 247].

С другой стороны, ав. *spənta-* сравнивалось Я. Гондой с производными от ведийского корня *pan-*, который, подобно корню ведийскому же корню *śū* (в *śváyati*), означает не только ‘восхвалять’, но и ‘усиливать, укреплять’ [Gonda 1949: 197]. Соответственно, развитие ‘наделенный возрастающей силой’ > ‘святой’ могло бы иметь место и в случае этимологического соответствия вед. *pan-* и ав. *spənta-*. Я. Гонда делает и еще более важные наблюдения: «вед. *pán(ī)yah-* точно соответствует ав. *spanyah-*, *pāni*□□*ha-* выглядит идентичным *spəništa-*, $*pānas-$ (в *panasyáte*) сходно с *spanah-*, *panitá-* можно сравнить с *spənta*. Более того, параллель между вед. *Arámati pánīyasī* и ав. *Armati spənta* поразительна» [Gonda 1949: 202].

Соответствие между *Arámati pánīyasī* и ав. *Armati spənta* случайным быть не может (важно заметить, что *Armati spənta* – покровитель огня). Но непосредственное сближение ав. *spən-* и вед. *pan-* невозможно в свете приведенных выше хотаносакских данных. Кажется, компромисс заключается в следующем: ав. *spənta-* заместило индоиранские производные от *pan-* в поэтической речи на основании семантического и фонетического сходства. Такая контаминация кажется неудивительной как раз в условиях устного развития поэтической традиции, когда при произнесении должны были сохраняться общие схемы и выпускаться отдельные частности.

Греческое же $\sigma\beta\omega\upsilon\upsilon\mu\iota$ могло быть образовано под влиянием $*\square\text{-}\sigma\beta\text{-}\epsilon\sigma\text{-}\tau\omicron\text{-}\varsigma$, где $\sigma\beta\text{-}$ является нулевой ступенью другого глагола, а формант $\text{-}\epsilon\varsigma\text{-}$ остался от $*g^{(w)}es$ ‘гасить’. Нам представляется, что это мог быть глагол $\sigma\beta\omega\mu\alpha\iota$ ‘почитать’, для которого Я. Фриск восстанавливает первоначальное значение ‘уходить прочь’ на основании каузатива $\sigma\beta\omega\omega$ ‘гнать’ [Frisk 1970: 686]. Данное значение могло претерпеть развитие ‘уходить прочь’ > ‘исчезнуть, погасить’. Таким образом, в греч. $\sigma\beta\omega\upsilon\upsilon\mu\iota$ можно видеть контаминацию корней $\sigma\epsilon\beta\text{-}$ и и.-е. $*g^{(w)}es$, аналогичную той, которая устанавливается для ав. $sp\acute{a}nta\text{-}$. Для корня $\sigma\epsilon\beta\text{-}$, видимо, надо предполагать и.-е. праформу $*seg^w$.

Литература

Герценберг Л. Г. Хотаносакский язык // Основы иранского языкознания. Среднеиранские языки. М., 1981. С. 233-313.

Красухин К. Г. Введение в индоевропейское языкознание. М., 2004.

Топоров В. Н. Из славянской языческой терминологии: индоевропейские истоки и тенденции развития // Этимология. 1986-1987. М., 1989. С. 3-50.

Frisk H. Griechisches etymologisches Wörterbuch. Bd. 2. Darmstadt, 1970.

Gonda J. Origin and Meaning of Avestan $sp\acute{a}nta\text{-}$ // Oriens 1949. Vol 2. № 2. P. 195-203.

Стороны света в санскрите и древнеирландском языке

Харитоновна Ксения Валерьевна

Студентка Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова

Ориентация в пространстве имела большое значение в жизни индоевропейцев. Это было связано как с различными миграциями и путешествиями, так и с религиозными воззрениями.

Судя по текстовым материалам, деление пространства на четыре стороны света имело сакральное значение.

Привычное для большинства жителей Европы представление о сторонах света закрепилось в связи с составлением карт. При составлении карты нужно иметь фиксированное направление, а следовательно - ориентироваться на некоторый неподвижный объект. Объектом-ориентиром для европейских картографов является Полярная звезда. Таким образом, в привычной для нас модели пространства север занимает место впереди или сверху.

Другую модель восприятия пространства дают нам санскритские тексты (примеры даются в упрощённой транслитерации):

(1) $tata\acute{h} samuddh\acute{r}tapr\acute{a}\acute{n}am gata\acute{c}v\acute{a}sam hataprabham$

$nirv\acute{i}ce\acute{s}tam \acute{c}a\acute{g}\acute{r}am tadbabh\acute{u}v\acute{a}priyadar\acute{c}anam$

$yamastu tam tath\acute{a} baddh\acute{a} pray\acute{a}to$ **dakṣiṇāmukhaḥ** (Mahābhārata III. Sāvitrī V.17).

«Затем тело, обездвиженное и бездыханное, лишённое блеска, стало неприятным на вид; Яма же тогда, связав его, обратился лицом на юг».

В словаре В.А.Кочергиной [Кочергина, 2005: 256-257] для слова **dakṣiṇāmukhaḥ** даются два варианта перевода: ‘обращённый лицом к югу’ и ‘обращённый лицом направо’. В этом контексте (как и в большинстве подобных случаев в санскрите), трудно определить, имеется ли в виду направление направо или на юг. Таким образом, слово **dakṣiṇa** имеет значение ‘правый’, ‘южный’, а также ‘любезный’, а **dakṣiṇatas** – ‘вправо’ и ‘на юг’.

Аналогично:

uttaratas имеет значения ‘влево’ и ‘на север’, прилагательное **uttara** - также ‘более высокий’;

pūrvatas - ‘прежде’, ‘впереди’, ‘на востоке’;

paçcimatasa – ‘сзади’, ‘на западе’.

Подобным образом выглядит картина мира, представленная в древнеирландских текстах.

(2) Mhuir n-Iucht **anair** co h-Eginn (Cóir Anmann, 91).

«Ирландское море, спереди (на востоке) от Ирландии».

В электронном словаре [eDIL] значение слова **anair** – ‘впереди’, ‘на востоке’; úg – ‘восток’. Аналогично:

aníar – ‘сзади’, ‘на западе’;

andess – ‘справа’, ‘на юге’;

antúath – ‘слева’, ‘на севере’.

Ирландцы подразделяли месяцы года на два разряда – «тёмный» и «светлый» (у индийцев месяц состоял из «тёмной» и «светлой» половин в зависимости от растущей или убывающей луны). По этому же принципу делилось и пространство. Север, а вместе с ним и левая сторона (северная часть острова, города, дома и т.д.) – уподоблялись первозданному хаосу, беременности (предшествующей родам): «тьма предстает началом начал, но как символ смерти и разрушения она же и завершает светлый день» [Рис, 1999: 47]. Север воспринимался как нечто старшее по возрасту, чем юг, но и более таинственное, непонятное, враждебное, и считался обиталищем смерти. Здесь мы видим единственное несовпадение с древнеиндийским пониманием пространства: царство Ямы, по верованиям индийцев, находилось на юге (см. пример (1)).

Несмотря на то, что временной разрыв между рассматриваемыми индийскими и ирландскими текстами довольно велик, можно сделать вывод о том, что пространственная ориентация относительно сторон света в описываемых культурах почти полностью совпадает. Возможно, такое восприятие окружающего мира связано с культом солнца. Ориентиром для человека служит восток как сторона, на которой солнце появляется, на которой зарождается новый день, новая жизнь.

Представляется необходимым рассмотреть санскритские и древнеирландские тексты, в которых используется обозначение сторон света и направлений, и выяснить, существуют ли специфические контексты, для которых можно однозначно перевести какой-либо из терминов пространственной ориентации только как наименование стороны света или только как обозначение направления.

Литература:

Кочергина В.А. Санскритско-русский словарь. М., 2005.

Рис А., Рис Д. Наследие кельтов. М., 1999.

Электронный словарь древнеирландского языка: <http://www.dil.ie/>

Гендерный аспект английских и русских паремий (на материале пословиц с компонентом «женщина»)

Хатюшина Анастасия Андреевна

Студентка Института филологии и социальных коммуникаций

Бердянского государственного педагогического университета, Бердянск, Украина

Гендерный аспект в языкознании стал **актуальной** проблемой социолингвистики с конца XX ст. Что касается германских языков, то вопросы гендерного фактора изучались, в частности, О. Бессоновой, О. Дудолодовой, В. Васюк и др. Стоит отметить, что гендер имеет не только социальную природу, но и национально-культурную, поскольку «он является идеологическим конструктом, который аккумулирует представление о том, что значит быть мужчиной или женщиной в той или иной культуре» [Сукаленко:16].

Цель нашей работы состоит в изучении символической нагрузки английских паремий с компонентами, обозначающими лица женского пола.

Реализация поставленной цели предусматривает решение следующих **задач**: исследование семантики фразеологических словосочетаний, анализ пословиц с точки зрения их аксиологического потенциала, сравнительный анализ с русскими пословицами.

Объектом нашего исследования стал процесс концептуализации лексем-коррелятов, обозначающих лицо женского пола.

Предмет исследования – английские и русские паремии с компонентами *woman / женщина* и их синонимами.

Методы исследования – описательный, сопоставительный, лексикографический.

Научная новизна работы состоит в попытке совершения сопоставительного анализа английских и русских паремий в гендерном аспекте.

Практическое значение работы. Результаты нашего исследования могут быть использованы при написании курсовых и дипломных работ, в курсах общего и сопоставительного языкознания, английской и русской фразеологии, спецкурсах по лингвистической гендерологии.

Для изучения этой проблематики нами были проанализированы пословицы, содержащие компонент «женщина». Он вербализируется в английском языке следующим образом: «woman», «mother», «lady», «wife». В русских паремиях нами зафиксированы следующие компоненты: «девушка», «жена», «мать», «баба». Исследуемые пословицы разделяем на следующие лексико-тематические группы:

Женщина – хозяйка. *A woman's place is in the home.* Этот символический и социальный статус женщины выражается оппозицией *woman / home*. Незыблемость этого статуса подчеркивается лексемой «place». В русском языке этот статус более категоричен, поскольку в корреляте *Бабы города недолго стоят* использовано наречие «недолго». Кроме того, компонент «женщина» выражен пейоративной лексемой «баба».

Женщина – объект завоевания. *Faint heart never won fair lady.* В данном случае паремия имеет положительную оценку. Неповторимость и сказочность женского образа подчеркивается выражением *fair lady*.

Женщина – мать. *Necessity is the mother of invention.* Компонент «mother» употреблен в метафорическом значении: мать – это женщина, которая дает жизнь новому человеку; так и необходимость является причиной новых открытий. Русский эквивалент является заимствованием из классической латыни: *Повторение – мать учения.*

Женщина – изменение. *All are good ladies, but whence come the bad wives?* Оппозицией *ladies / wives* противопоставляется резкое, видимое изменение между статусом незамужней и замужней женщины. В данном случае «ladies» имеет мелиоративную семантику, тогда как «wives» – пейоративную. Идентичность пословиц можно увидеть в русском выражении: *Все девушки хороши, но откуда же тогда берутся плохие жены?*

В результате проведенного исследования установлены следующие **выводы**: фразеологизмы с компонентом «женщина» в английском языке имеют широкий спектр значения. Женщина – это хозяйка дома; она является объектом завоевания мужчины. Её характер меняется под влиянием социальных изменений. Способность женщины к деторождению воплощается в метафорических выражениях, где матерью называют почву для возникновения других явлений. Что касается аксиологического потенциала, то нами было установлено, что в английском языке компонент «женщина» в большинстве случаев имеет мелиоративную окраску, тогда как в русских паремиях зафиксировано ярко выраженную тенденцию к негативному отношению к женщине.

Перспективой наших дальнейших исследований мы считаем продолжение изучения образа женщины в английской языковой картине мира во фразеологическом корпусе и на материале метафорических номинаций.

Литература

Сукаленко Т.М. Метафоричне вираження концепту жінка в українській мові. Київ, 2010